

К синю морю убегают реки,
Знаю, не вернуться реки вспять...
Мы с тобою жили в прошлом веке,
Нам с тобою было что терять.

Там остались дорогие люди,
Кажется, осталась я сама.
Там январь был несказанно лютый,
Не стучась, вривалась в дом зима.

Леденели, опускались руки,
Думалось, что это навсегда...
Помнят здесь военную разруху,
Как в беде спасала лебеда.

Липкую снимаю паутину,
В лопухи не прячу скорбных глаз.
Над родной могилою повинно
Замираю, горестно склонясь.

Мы застыли у межи у крайней,
И по чьей, неведомо, вине...
Вы простите нас, односельчане,
Что ребята снова на войне.

Что девчонок сманивает город,
Что старухи глохнут от утрат...
Вновь тревога перехватит горло
И не отпускает до утра.

По лыжне промчатся полем белым
Через буераки, бурелом!
Помоги мне, праведное дело,
Не плутать, когда выюжит кругом.

* * *

Город вернул свое имя,
Город в себя никак не придет...
Флигель глазами пустыми
Смотрит, как суетится народ.
Набок сдвинута кровля, —
Будто бы в летаргическом сне
Флигель живет.
А легко ли
Новый дом держать на спине?
Видно, флигель по всем приметам
К переменам давно готов.
Ветхий, раздавленный этот,
Старожил, списанный со счетов.
Только вот пыль да неверье
Притаились по темным углам...
Настежь парадные двери —
Пенье скрипки, детский шум и гам!
Подниму яблоко дикое, —
Сколько вяжущей горечи в нем...
Мы не видим великое
В городе нашем, таком большом.
Древние Дятловы горы,
Бегут и бегут они вдоль реки
Туда, где в Старых Печёрах
Не погасли еще родники.
Кружкой, ведром, горстями
Зачерпни звонкое серебро!
Живем, не ведая сами,
Где беды наши, а где добро.
Кажемся себе большими,
Споро шагающими вперед...
Город вернул свое имя,
Город в себя никак не придет.

Снег

Спрячь, укрой, снег,
Лисий след, волчий след,
Зло да хитрость, да страх,
Да пугливость в глазах.
Снегу сила дана
Мир будить ото сна
Сказочной тишиной,
Чистотой неземной.

* * *

Пробираюсь сквозь глухую чашу
По дремучим, по кипрейным снам.
Медом переполненную чашу
Август преподносит небесам.

Мы с тобою испола вкусили
Сладостного позднего тепла.
Ночи погромели и остыли,
Звездопад мелькнул и отпылал.

В капле меда растворилось лето –
Грозовой пожар ушедших дней.
На седом горельнике алеет,
Застелив пожарище, кипрей.

Остается привкус горьковатый
Мед – в нем багульник и кипрей.
Наклонились ветки виновато
В ожидании ненастных дней.

В ожидании опустошенья
Старый бор задумчиво притих.
Все мои обиды, прегрешенья
Вольные, невольные
Прости.

* * *

*В 1958 году в Горьковской области
насчитывалось 150 тысяч старообрядцев,
позднее статистика не приводилась.*

Тополь высокий, развесистый тополь,
К старому дому давненько притопал.
Входит он пасмурным вечером в дом –
Вместе большая семья за столом.

Машет своей головою седою,
В искристых бликах большой бородою.
В красном углу строгий иконостас,
Оком сверкает и сердится Спас.

Общая чашка и каждому ложка –
Ешь с расстановкой, ешь понемножку.
Хлеба ломоть осторожно бери,
Щедро всевышнего благодари...

Чашка разбилась на мелкие части,
С иконостасом случилось несчастье –
В ночь на Николу исчез со стены,
Шляпки гвоздей одиноких видны.

Заново строилась жизнь и катилась,
Будто бы в доме беды не случилось.
Новые скорости, новый устав –
У молодых больше силы и прав.

Не захотели гадать да рядить, –
Что это тополь не стал заходить.

* * *

Остров Мочальный, остров молчаливый –
Под каждой ивой спрятана тайна,
Под каждой гордой, горькой ракитой
Наглухо сотни судеб зарыты.

Судьбы крестьян и духовных отцов –
Смирных трудяг и земных мудрецов...
Как же нам жить с этой тяжкой поклажей?
Может быть, Везлома-речка подскажет?

С керженских гатей, сквозь буреломы
Матушке Волге приносит поклоны.
Помнят кордоны, лесные долины,
Как забирали ни в чем не повинных.

Мы примирились, мы не забыли,
Памятный крест у воды водрузили...
Всех не подняли в архивы зарытых,
Не огласили имен позабытых.

Там, на Мочальном, который уж год
Старая ива весной не цветет.

* * *

Видывали всякое под солнцем,
Многое знавали наперед...
Буря валит вековые сосны,
А кусточки только ниже гнет.

Голову не втягивали в плечи,
Было, поджимали животы,
Говорят, что беды только лечат –
Сколько в этом ясной правоты.

Непогода шумно разгулялась,
Застит слух тревожный птичий гам.
Оглянулись: что кому досталось –
Каждому досталось по серьгам.

Бледноцветны, солнечны, неброски,
Из болота тянутся на свет,
Словно незащитные подростки,
Краснотал, багульник, бересклет.

Если налетят лихие ветры,
Выдюжим и выстоим на том –
Не теряя неподкупной веры,
Порослью веселой обростем.

* * *

Дуплистый вяз на свете видел много,
С годами выше стал и ближе к Богу,
Забыл забавы, стал мудрее, старше.
Над бездною тебе стоять не страшно?
Легко ли жить у зыбкого обрыва,
Сгасив в душе высокие порывы?
Скажи мне, как в плену словесной битвы
Не потеряться голосу молитвы,
Порыву тихой, сокровенной думы?
Закладывает уши мне от шума.
Тоскуют руки без земной заботы,
А в улье стихшем холодеют соты.

* * *

Перемелется, переменится, –
Поглядишь – сгодится мука.
Беспощадная жизни мельница
Перемальвает века.

Выпекай пшеничные хлебы,
Впрок соли да суши грибы,
Ничего никогда не требуя
От дарованной нам судьбы.

Чистой скатертью самобранкою
За окошком ляжет зима.
И сорочьими перебранками,
И соленой снедью полна.

Обуваю валенки теплые,
Отправляюсь куда-нибудь,
Сухостоем, ельником топаю,
Бездорожьем торю свой путь.

По некрепкому льду, по берегу,
Сквозь морозное забытье...
По чистейшему снегу первому
Узорочье вышию свое.